

Текст · 24 июня 2019, 05:28

Михаил Данилович,

Лишние по обе стороны границы. Как бежавшие из России ЛГБТ пытаются устроить свою жизнь в чужих странах

Хасан бежал в Берлин из Чечни в 2017 году, после первой волны преследования геев в республике. Мы встречаемся с ним в квартале с магазинами, барами и общественными организациями для ЛГБТ. На Хасане желтая футболка и шорты, которые, по его словам, он не мог надеть в Грозном даже в жаркую погоду, потому что столкнулся бы с осуждением окружающих.

Первые полгода в Германии его не покидал страх: «Думал, найдут или не найдут?». Кроме того, чеченцы здесь имеют «не менее твердые убеждения»; по оценкам Deutsche Welle, в Германии живут десятки тысяч выходцев из Чечни. «Приходится быть осторожным, когда слышу русскую и особенно чеченскую речь», – объясняет Хасан (он просил не указывать его фамилию по соображениям безопасности).

Поток ЛГБТ-беженцев в Европу из разных стран, в том числе из России, усилился в 2013 году.

Тогда Европейский суд^[1] признал ЛГБТ «социальной группой», члены которой могут претендовать на получение убежища. Это решение основывается на Конвенции о статусе беженцев ООН 1951 года, речь в которой идет о тех, кто на родине подвергается

преследованиям из-за своей расы, веры, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Суд принял такое решение, рассматривая дело трех выходцев из Сьерра-Леоне, Уганды и Сенегала. Они переехали в Нидерланды: на родине за гомосексуальную ориентацию им грозил пожизненный срок в тюрьме. Однако, Верховный суд Нидерландов так и не смог решить, относятся ли ЛГБТ к упомянутой в Конвенции ООН «социальной группе», члены которой преследуются в родной стране и могут претендовать на статус беженца. Тогда вопрос и дошел до Европейского суда.

В 2017 году юристов «Российской ЛГБТ-сети» об эмиграции спрашивали в два раза чаще, чем годом ранее. Как раз тогда стало известно о массовых задержаниях в Чечне мужчин, которых подозревали в гомосексуальной ориентации; организация помогла выехать из региона 150 людям, большинство из которых потом покинули страну.

Проведенный активистами опрос пяти тысяч человек показал, что, помимо физического насилия, ЛГБТ в России сталкиваются с психологическим насилием, ущемлением прав на работе, незаконным использованием персональных данных и другими проблемами. Полиции доверяют лишь два процента опрошенных.

Но и за границей не у всех получается справиться с психологической травмой и начать новую жизнь. Большинство таких вынужденных переселенцев не готовы к эмиграции: не знают язык, у них нет

сбережений или приглашения на работу. Нередко они по-прежнему сталкиваются с предвзятым отношением — со стороны других мигрантов и даже чиновников.

Каждый переселенец, который хочет получить убежище в Европе или США, проходит собеседование, где нужно доказать, что на родине его ждет опасность. Переводчики и интервьюеры могут быть неуместно любопытны или гомофобны, рассказывает Константин Шерстюк, волонтер немецкой некоммерческой организации для русскоязычных ЛГБТ «Квартира». Кроме того, пока принимается решение, нужно жить в общежитиях для переселенцев — и там большая часть постояльцев тоже не отличается терпимостью.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«От переводчика он услышал: "Вы пидорас?"»

Детство Хасана прошло на Урале, куда он переехал с матерью, русской, после ее развода с отцом, чеченцем. Потом перебрался в Москву. К 25 годам так и не принял свою гомосексуальность и перебрался жить в Чечню, к родственникам уже умершего к тому времени отца.

«Думал, в окружении сурового менталитета мои желания чуть-чуть приглушатся, – говорит беженец. – Надеялся жениться. Но оказалось, и в Чечне есть ЛГБТ-сфера».

В апреле 2017 года, через несколько лет после переезда, в его магазин хозтоваров в Грозном зашли

люди в форме. Спросили, как зовут, объяснили, что «есть разговор», и велели сесть в стоявшую у входа «газель». Мужчину это почти не удивило: никто в Чечне «не застрахован от привода в РОВД в качестве подозреваемого в чем-то». Хасана привезли в полицию, где показали его интимную переписку в ватсапе. Затем потребовали назвать имена и контакты знакомых гомосексуалов. Хасан говорит, что этого не сделал; его «пытались бить, но было терпимо».

Через сутки дядя, у которого были «связи в полиции», забрал Хасана домой и приковал его там наручниками к батарее. Утром незаметно подошел один из родственников, освободил молодого человека и вызвал такси. У Хасана «было буквально две минуты, чтобы покинуть дом».

«Вот что у нас делают с пидорами»

О чем рассказал пермяк, побывавший в чеченской тюрьме для геев: главное

Он поехал в другой населенный пункт к знакомым, которым сказал только о том, что скрывается от полиции, и там уже нашел в интернете объявление о горячей линии для ЛГБТ на Кавказе. Через пять минут после письма туда, вспоминает Хасан, его попросили прислать паспортные данные, а потом купили билет из Махачкалы в Москву, где ему нашли жилье.

Несколько месяцев спустя Хасан прошел интервью в посольстве Германии в Москве – сотрудники немецкого министерства внутренних дел проводят такие беседы со всеми претендентами на статус беженца. Предвзятого отношения к себе он не заметил, встреча прошла «в неформальной обстановке» и в итоге Хасан получил положительный ответ.

Обычно таких бесед приходится ждать от нескольких недель до нескольких лет. Интервьюеры на них могут быть настроены враждебно или проявлять неуместное любопытство, говорит Константин Шерстюк из немецкой «Квартиры». Сейчас он консультирует русскоязычных мигрантов в Берлине и организует их досуг, а раньше сопровождал их во время походов в государственные учреждения. Шерстюк приводит примеры из своего опыта: на одной из бесед человека спросили, почему, несмотря на гомосексуальную ориентацию, тот не практикует анальный секс, а в другой раз мигранту задали вопрос «Вы гей?» – а от переводчика он услышал оскорбительное «Вы пидорас?».

Россиянин, просивший убежища в Великобритании, рассказывал, что в доказательство своей ориентации показывал справки от бывших партнеров: «Не просто письма в свободной форме, а письма от бойфрендов, которые являются гражданами Великобритании, на бланках организаций, в которых они работают». По его словам, «раньше люди отправляли фото- и видеоматериалы, как они занимаются сексом». Известно и о других проверках гомосексуальности: так, в Чехии у мужчин измеряли интенсивность эрекции при просмотре материалов сексуального характера.

Сейчас требовать такие доказательства у беженцев нельзя — Европейский суд пришел к выводу, что они унижают человеческое достоинство и в 2014 году выпустил постановление, по которому вынужденные переселенцы избавились от необходимости доказывать свою ориентацию. Проситель убежища может и вовсе не совершать каминг-аута. Например, статус беженца могут получить ЛГБТ-активисты, которые подвергаются преследованиям, вне зависимости от их сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Сейчас Хасан «понимает ситуацию в Германии с беженцами»: «Вижу отношение немцев, как они устали от этого всего». Он говорит, что хочет «слиться с немецким обществом», перестал «ассоциировать» себя с арабами и стыдится за свою «арабскую фамилию». Сейчас он учит немецкий, нашел работу на стройке, а недавно получил дубликаты своих дипломов из России и намерен добиваться их признания в Европе.

Со своей сексуальностью Хасан так и не определился, но после заселения в общежитие начал встречаться с соседом по комнате, сбежавшим из Дагестана. Эти отношения продолжаются до сих пор.

Он попал в общежитие, где живут только те из беженцев, кто заявил о своей принадлежности к ЛГБТ, — с виду обычная многоэтажка с квартирами-студиями. Это альтернатива типичному мигрантскому лагерю с бараками за городом. И там, и там ты находишься до тех пор, пока не сможешь сам платить за жилье. Попасть в подобные общежития для ЛГБТ можно в случае, если там есть свободные места, — и если они вообще есть в этой конкретной стране.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Напрочь исчезло желание этой эмиграции»

Но даже в общежитии для ЛГБТ может всякое случиться. В конце 2018 года в таком доме в Берлине избили трансгендерную женщину — постояльцы, с которыми поговорили журналисты Deutsche Welle, считали, что причиной случившегося стала трансфобия. Директор общежития Антье Саного подтвердила, что конфликты происходят и там: «Не хватает места, не хватает личного пространства. Стресс, столкновение противоположных интересов».

Два жителя подобного хайма^[2] на условиях анонимности рассказывают, что некоторые постояльцы только притворяются геями, лесбиянками или трансперсонами, а в частных беседах не скрывают своей гомофобности.

Соруководитель нью-йоркской группы «RUSA LGBT» Леша Горшков полагает, что беженцы, пострадавшие от нетерпимости, и сами не всегда преодолевают «зашоренное сознание, сексизм, расизм». Конфликты случаются, например, между выходцами из Украины и России из-за спора о Крыме или войне в Донбассе.

В обычных лагерях для беженцев ситуация может быть еще хуже. На сайте немецкой «Квартиры» говорится, что условия жизни там зачастую далеки от идеальных: «Скорее всего, на первом этапе вы будете жить существенно менее комфортно, чем жили в России. Надо быть готовым к тому, что будет грязно, шумно, будет плохо пахнуть».

Два бывших жителя такого лагеря, не относящие себя к ЛГБТ и попросившие не указывать их имен, описывают его как несколько одноэтажных строений с десятком комнат в каждом; лагерь обнесен забором и находится в лесу. Кухни, душевые и туалеты – общие. Один из собеседников уточнил, что с ними жил «мужчина в платье», с которым «никто не хотел разговаривать».

«Дикие крики арабов – далеко не толерантных, шум каждую ночь такой, что спать невозможно», – описывает Дмитрий Купаев лагерь в Финляндии. Ожидая рассмотрения своего прошения об убежище, Дмитрий говорил: «У меня напрочь исчезло желание по поводу этой эмиграции, и не факт, что я дотерплю и останусь тут до окончательного решения».

Купаев вырос в Ставропольском крае и уехал из России после оскорблений и угроз из-за своей гомосексуальности. Однажды, говорит он,

неизвестные ломились в его дом и разбили стекла: «В полиции нам [с матерью] сказали, что я сам виноват – вызывающе одеваюсь и веду себя». В другой раз он сам пустил в дом незваных гостей, чтобы те не били стекла — в итоге они «пили водку, оскорбляли меня, предлагали секс на камеру». Когда мужчина в очередной раз отказался, один из мужчин «ударил киянкой в грудь, другой – кулаком в глаз». Полицейские приехали к матери на работу, вспоминает Дмитрий, и предупредили: если семья не уедет из города, ее сына найдут «в канаве с перерезанным горлом».

В Финляндию он эмигрировал осенью 2017 года. «Я надеюсь, что Финляндия станет для меня новой родиной, где ко мне не будут относиться, как к вещи», – объяснял он тогда. Спустя некоторое время уже писал, что ему «упорно не верят, что в России для ЛГБТ может быть опасно», и рассказывал об «антисанитарии» в лагере и своих проблемах из-за незнания языка.

Через несколько месяцев Дмитрий вернулся в Россию, но в 2018 году вновь попытался получить убежище, на этот раз в Нидерландах. Однако столкнулся с теми же проблемами: «одиночество, языковой барьер и огромный стресс» — и снова вернулся.

Сейчас он живет в Москве вместе со своим молодым человеком и говорит, что здесь они не сталкиваются с гомофобией. При этом Дмитрий затрудняется ответить, как поступит, если кто-то спросит о его ориентации — семья его друга, с которой он общается, относится к паре неоднозначно. Его партнер уезжать

из России не хочет, поэтому эмигрировать они больше не собираются.

У беженцев, которые ждут решения о получении убежища, есть еще одно ограничение — как правило, они не имеют права работать и покидать регион, где зарегистрированы. В зависимости от страны и обстоятельств, период, во время которого действуют эти запреты, может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

С момента обращения за убежищем и до того, как человек сможет сам себя обеспечивать, ему платят пособие. В Германии пособие для тех, кто ожидает статуса беженца, и тех, кто его уже получил, но пока не работает, составляет около 400 евро в месяц.

Амина (имя изменено по просьбе героини), переехавшая в Берлин из Дагестана, говорит, что этих денег хватает на все «в разумных пределах»: «Я даже путешествовать умудрялась бюджетно». Она живет в общежитии для ЛГБТ и радуется появившейся у нее возможности путешествовать и ходить на концерты: на родине на все это нужно было получать разрешение от старших родственников. «Там у меня тоже были отношения, интересы», — говорит Амина, но дома свою личную жизнь ей приходилось скрывать.

В Германии, впрочем, она тоже не чувствует себя полностью свободной: раз или два в месяц они вместе с другом-геем созваниваются с матерью Амины по видеосвязи и изображают супругов — ее мать не знает об ориентации дочери. Девушка объясняет этот

обман: если родственники узнают правду, они могут приехать в Европу и убить ее.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Нужно пройти через многие круги ада»

У Амины распущенные длинные волосы и джинсы с прорезями – и то, и другое, рассказывает она, на родине позволить себе не могла. К моменту нашей встречи девушка прошла все интеграционные и языковые курсы, после которых можно получать образование — и теперь хочет освоить профессию визажистки. Она держится раскованно, но начинает говорить с паузами, когда упоминает вещи или ситуации, по которым ее могут узнать в Дагестане.

Родственники собирались выдать Амину замуж, когда ей было 18 лет. Претендента определили за несколько лет до этого, и раз тот мужчина несколько лет ждал, значит, «любил, конечно», считает она. Девушка сомневалась, но в итоге доверилась семье и решила, что это будет брак «на трезвую голову». Сейчас она объясняет, что просто убедила себя в этом.

Свадьбу Амина отменила после того, как влюбилась в девушку, вместе с которой работала. Родным она об этом, конечно, не рассказала, просто объяснив, что «ничего не чувствует» к жениху. Родственники настояли, чтобы она бросила учебу и работу: в их представлении Амина выставила в плохом свете всю семью, поэтому должна находиться под домашним арестом. Мать тогда помогла ей, рассказывает девушка: убедила мужчин, что дочь «пусть не учится, но [пусть] хотя бы работает».

Ей вновь стали искать жениха, мнения Амины при этом не спрашивали. Она пыталась устроить фиктивный брак с приятелем-геем, но отец не дал согласия на свадьбу. Мать, хоть и не знала об ориентации дочери, видела ее переживания, и несколько лет назад они вместе придумали историю про похищение — согласно обычаю, объясняет Амина, в этом случае одобрение брака семьей не требуется. По легенде приятель якобы украл ее и перевез в Германию, чтобы жениться. С тех пор они и представляются для родных мужем и женой. Девушка получила убежище как лесбиянка, которую на родине могли преследовать^[3] за ее сексуальную ориентацию.

Амина в разговоре часто упоминает мать: «она переживает», «в любом случае, это все-таки мама», «если бы не она, меня бы здесь не было». Но сказать маме о своей ориентации не готова — не уверена, что та сможет принять ее.

По мнению Константина Шерстюка из немецкой «Квартиры», каждый беженец переживает «двойную травму». На родине человек сталкивается с угрозой жизни или здоровью, а во время переезда — с переменами, к которым сложно подготовиться: необходимостью учить язык, бросить работу, оставить привычный круг общения. Сам Шерстюк еще подростком переехал в Германию в 2001 году вместе с матерью и, по его словам, адаптировался только через шесть лет, когда поступил в университет. Там у него появились друзья, он сделал каминг-аут и занялся активизмом.

В сравнении с другими способами эмиграции в Европу, получение статуса беженца – «самый последний вариант», считает Шерстюк.

«Нужно пройти через многие круги ада, – говорит он. – Придется долгое время жить с другими беженцами, которые иногда бывают гомофобными. Мало просто быть ЛГБТ из России, Украины или даже Узбекистана, где до сих пор есть уголовная ответственность^[4]. Нужно доказывать, что тебя действительно преследуют».

За последние несколько лет «Квартира» помогла сотне беженцев: кто-то из них уже получил официальный статус, кто-то – нет, и теперь оспаривает отказ в суде. На родину не вернулся никто, но Константин Шерстюк признает: адаптируются люди по-разному. «Есть те, кто интегрировался, нашел работу, их от немцев не отличишь, – рассказывает он. – А другие 20 лет здесь живут и трех слов по-немецки сказать не могут».

Больше шансов адаптироваться у тех, кто «не общается с русской диаспорой, селится в других районах, учит язык и ищет работу, если на это уже есть разрешение», считает Леша Горшков из нью-йоркской «RUSA LGBT». Сохранение круга общения, который состоит из других мигрантов, он называет «ловушкой».

Горшков говорит, что проконсультировал не меньше тысячи выходцев из постсоветского пространства и к жизни в Америке приспособились лишь 30 процентов: «Не могут расстаться с

прошлым. У кого-то был бизнес, или они были врачами, юристами. А здесь нужно начинать все заново. Начинается депрессия, которая часто ведет к наркотикам, алкоголю или бесконечным секс-вечеринкам».

Некоторые рано или поздно задумываются о переезде обратно на родину, где, несмотря на опасность для ЛГБТ, все знакомо и привычно. Горшков знает по крайней мере десять человек, которые вернулись из США домой.

Возвращение на родину после того, как человек попросил статус беженца, в дальнейшем может стать причиной отказа — подобные метания могут расценить как признак того, что никакой угрозы для него в России нет.

Материал подготовлен медиа-проектом «Четвертый сектор». Редакторы: Анастасия Сечина, Владимир Соколов, Егор Сковорода

-
1. Высшая судебная инстанция в Евросоюзе. Этот суд не стоит путать с Европейским судом по правам человека, который рассматривает дела из стран, входящих в Совет Европы и подписавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод — в их число входит и Россия.
 2. Хайм (от немецкого Heim) — собственно, временное общежитие, предоставляемое мигрантам. Это может быть как общежитие в многоквартирном доме, так и лагерь с домами-бараками в лесу.
 3. По определению Конвенции ООН, беженец — не только тот, кто уже пострадал от нетерпимости, но и тот, кто мог пострадать в будущем. При этом переселенец должен объяснить, почему он опасается стать жертвой гонений и почему уверен, что родное государство его не защитит.

4. Статья 120 УК Узбекистана предусматривает до трех лет лишения свободы за мужеложство — «то есть удовлетворение половой потребности мужчины с мужчиной без насилия».